

И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами —
Вот отчего нам ночь страшна!

Ф. И. Тютчев

Глава первая

— Вам хочется стать маленькой девочкой, хочется, чтобы кто-то погладил по голове, почесал за ушком, поправил одеяло, почитал сказку, непременно страшную. Вы любили в детстве страшные сказки? А помните, в пионерском лагере ночами, в темной палате, истории про черное пятно, красный рояль? Из рояля вылезла мертвая рука, сначала задушила дедушку, потом бабушку, потом маму, папу. И наконец, дочку. Вы представляли себя этой самой дочкой. У вас замирало сердце в ожидании ледяной руки, которая тянется к горлу. На острых суставах налет влажной голубоватой плесени. Пальцы, длинные и гибкие, как черви. Железные когти, едва уловимый аромат тления. Ну, доктор, что же вы молчите?

Доктор Филиппова Ольга Юрьевна шла по темному пустому переулку, и в голове у нее звучал хриплый баритон. Она не могла заставить его заткнуться и пыталась верить, будто нарочно вспоминает во всех подробностях беседу с одним из своих пациентов. Он всего лишь пациент, не более. Один из сотен несчастных, которых ей пришлось лечить за пятнадцать лет работы.

— Психиатрия не лечит, вы же знаете. Максимум, на что способна эта ваша наука, — сделать из человека животное, из животного — растение. Овощ. Вы хотите стать овощем, Ольга Юрьевна? Нет. И я тоже — нет. Так что, пожалуйста,

не надо пичкать меня никакой психотропной отравой. Я не буду буяннить, честное пионерское. Кстати, вы ведь тоже были пионеркой? Галстук гладили каждое утро. Его надо было намочить, отжать. Помните запах мокрой горячей ткани, которая шипит под утюгом, и гнусный голос по радио: «Доброе утро, ребята! В эфире «Пионерская зорька!» Сейчас точно такие же голоса щебечут рекламу в метро. У меня от этого бодрого щебета воспаляются барабанные перепонки и рвотные массы подступают к горлу. А у вас?

Ольга Юрьевна подняла капюшон меховой куртки, спрятала лицо в высокий ворот свитера. Еще пару дней назад солнце было теплым, по утрам пели птицы, почки набухли, и казалось — все, конец зиме. Вместо надоевшей куртки — легкое светлое пальто, вместо толстого шарфа — шелковый платок. Но вдруг случилась гроза, черная туча обрушила на город колючую ледяную крупу. К ночи прояснилось, ударил мороз. Опять тяжелая куртка, свитер.

Апрельские заморозки похожи на предательство. Во всяком случае, по отношению к доктору Филипповой это точно предательство. Позавчера она отогнала в автосервис свой старенький «жигуль»-шестерку, и теперь надо пилить пешком от метро, поскольку она не может себе позволить выложить сто пятьдесят рублей на такси.

Ветер сдувал капюшон, приходилось придерживать его рукой. Ольга Юрьевна забыла надеть шапку и перчатки, рука заледенела, пальцы ныли и не разгибались.

Вокруг не было ни души. Центр Москвы, начало первого ночи. Арктический циклон загнал домой всех, даже бомжей и собачников, даже тусовочную бульварную молодежь. Ольга Юрьевна пошла быстрее, побежала. Шпильки ее сапог звонко цокали по чистому асфальту. От стужи он казался стеклянным. Льда и грязи уже не было. Все смыли теплые мартовские дожди, и доктор Филиппова решила надеть свои новые сапоги, белые, на шнуровке, на тонких высоких каблуках и с модными круглыми носами.

— Вы в детстве занимались фигурным катанием? Ваши сапоги похожи на ботинки фигурных коньков. Скажите, у вас получался «пистолетик»? А «ласточка»? Любопытно, как высоко вы могли задрать ножку? Кстати, вы знаете, к белой обуви обязательно полагается белая сумочка. Колготки должны быть максимально светлыми. На два тона светлее, чем у вас, и почти прозрачные. Правда, на загорелых ногах это смотрится не слишком красиво. Но сейчас весна, в отпуск вы еще не ездили, солярий не посещаете. У вас белая и очень чувствительная кожа. Если слегка надавить пальцами или провести линию острым предметом, останется красный след. А ноги у вас красивые. Вам это кто-нибудь говорил? Вы напрасно не носите коротких юбок. Думаете, уже не по возрасту? Не по чину? Ошибаетесь. Вы не выглядите на свой возраст и вовсе не похожи на доктора наук. Хотите скажу, на кого вы похожи?

Доктор Филиппова свернула во двор. Не стоило ходить через темный проходняк, мимо бомжовских домов, но этот путь был короче на сотню метров. Мысль о горячей ванне оказалась первой собственной ее мыслью, которая пробилась сквозь поток чужого монолога.

Ванная была единственным местом, где доктор Филиппова могла побыть в одиночестве. Ее семейство, муж и двое детей, ютилось в малогабаритной двухкомнатной квартире. Дети ложились поздно. Муж еще позже. Все рано вставали, но дня никому не хватало. Когда Ольга Юрьевна возвращалась с работы, ее ожидало бурное общение со всеми сразу и с каждым в отдельности.

Муж, Александр Осипович, старший научный сотрудник отдела рукописей НИИ древних искусств, имел привычку каждый вечер делиться с женой подробностями прожитого дня. Это передалось по наследству детям, двенадцатилетним близнецам Андрюше и Кате. Они говорили хором. Они учились в одном классе, и одни и те же события производили на них противоположное впечатление. То, что Кате казалось

кошмаром, у Андрюши вызывало гомерический смех. Дочь испуганно тарасила глаза, прижимала ладонь ко рту, сын хватался за живот, сгибался пополам, притворяясь, что сейчас лопнет от хохота.

— Вы похожи на маленькую девочку, которая нарисовала себе тени под глазами и сделала строгое лицо, чтобы ее пропустили в какое-нибудь взрослое заведение. В секс-шоп. В ночной клуб с мужским стриптизом. Или куда-то еще круче. Знаете, сейчас огромный выбор всяких развлекательных заведений, где можно расслабиться, оттянуться. Но вы добропорядочная мать семейства. Вы никогда ничего подобного себе не позволите. Признайтесь, вас давно тошнит от вашей добропорядочности, вам хочется, чтобы муж и дети исчезли. Нет, не навсегда, на некоторое время. Вам стыдно и страшно от таких черных мыслей. Вы себя не одобряете. Вы перестаете себе доверять. Вы даже боитесь себя. Между прочим, по статистике, врачи чаще всего страдают именно теми недугами, от которых пытаются лечить. У онкологов бывает рак, психиатры сходят с ума. Интересно, а чем чаще всего болеют мужчины-гинекологи? О, я вам скажу! Они становятся либо импотентами, либо сексуальными маньяками. Впрочем, одно другому не мешает.

Ольга Юрьевна вдруг отчетливо вспомнила, как после этой реплики отметила про себя: «Ниже пояса». Она почти не сомневалась, что рано или поздно его монолог сползет к чему-нибудь в этом роде — гинекология, импотенция, сексуальные маньяки. Она еще ничего не знала о новом больном, но после первых десяти минут беседы стала подозревать, что он не тот, за кого себя выдает. Нет у него никакой амнезии, и реактивный психоз, с которым он поступил в клинику, грамотно, умело симулирован. В карточке она написала «установочное поведение», но поставила большой знак вопроса. Скорее это была сюр-симуляция. Сквозь ватные слои притворства остро просвечивал малиновый огонек подлинного безумия.

— Я о себе ничего не помню, вопросы задавать бесполезно, — заявил он, — я не могу избавиться от наплыва мыслей, но все они не имеют ко мне никакого отношения. Я думаю о вас, доктор. Вот этим я могу с вами поделиться, если желаете.

В проходняке не горело ни единого фонаря. Их били, выкручивали лампочки. Ольга Юрьевна могла пройти по этому двору с закрытыми глазами. Сейчас здесь был абсолютный мрак, словно она правда закрыла глаза. Ветер выль так выразительно, что казалось, вот-вот удастся разобрать в звуковом потоке отдельные осмысленные слова.

В узкую арку старого дома выходило одно окошко. Его лет сто не мыли. Сквозь слои грязи пробивался свет, такой слабый, что даже не отбрасывал блика на противоположную стену. Доктор Филиппова знала, что за этим окном маленькая комната, в которой нет ничего, кроме вонючих матрасов и облупленной табуретки. На полу валяются тряпки, газеты. На матрасах под тряпками спят дети, мальчик и девочка. Мальчику сейчас должно быть около четырех. Девочка совсем кроха, года два, не больше. У них есть мать, отцы меняются ежемесячно.

В прошлом году, ранней осенью, Ольга Юрьевна возвращалась с работы вот так же, пешком, в первом часу ночи, и пошла через проходняк. В арке ее окликнул детский голос:

— Тетя, проводи нас, пожалуйста, домой.

Она не сразу сумела разглядеть их, сидящих у стены, прямо на асфальте. Достала из сумки зажигалку, осветила.

— На лестнице темно, нам страшно.

Говорил мальчик. Девочка молчала и улыбалась. Она была такая маленькая, что казалось странным — как она может идти самостоятельно.

— Мама там во дворе с дядьками, они все пьяные, а мы спать хотим, — объяснил мальчик, — вот наш подъезд, четвертый этаж.

— Сколько тебе лет? — спросила Ольга Юрьевна.

— Три с половиной. Меня зовут Петюня. А ее Людка. Ей год и четыре месяца.

— Может, все-таки лучше отвести вас к маме?

За аркой, в укромном грязном дворике, раздавались пьяные голоса, смех.

— Не надо. Мы спать хотим. — Мальчик вцепился в ее руку.

Ольга Юрьевна впервые вошла в подъезд, который все добропорядочные жильцы окрестных домов старались обходить стороной. Вонь, мрак, холод. Ее подъезд тоже не отличался чистотой и свежестью ароматов, но был светлым, вполне жилым и нестрашным.

Газа в зажигалке осталось мало. Огонек дрожал, дергался, ничего не освещал.

— Вот здесь ступенька сломана, — предупредил Петюня.

— В квартире есть кто-нибудь? — шепотом спросила Ольга Юрьевна.

— Никого. Как раз хорошо, мы хоть поспим, пока они гуляют.

Непонятно, кто кого довел до четвертого этажа. Ольга Юрьевна боялась, что сейчас случится какая-нибудь гадость. Откроется дверь. Вылезет, как покойник из гроба, жилец одной из квартир.

— Тетя, вот мы пришли. Ты только зажги свет, я не достаю до выключателя.

Ольга Юрьевна увидела кухню, вернее, полуразложившийся труп кухни. Ошметки почерневшей клеенки, затвердевшие слои грязи. Огромный мешок из пузырчатого пластика, набитый пустыми бутылками. Комната детей выглядела немногим лучше. Красный пластмассовый грузовик был единственным нормальным предметом в этом отхожем месте.

— Все, тетя, ты можешь идти.

Она ушла, не оглядываясь, умчалась по лестнице, почти не касаясь разбитых ступеней.

«Интересно, в этом доме топят? Как они прожили зиму?» — подумала Ольга Юрьевна, взглянув на одинокое

окошко. На миг ей показалось, что там, за мутным стеклом, что-то темнеет. Она даже почувствовала взгляд. Может, кто-то из детей, Петюня или Люда, смотря в окно?

Зачем смотреть, если ничего, кроме глухой стены, не видно?

Ольга Юрьевна бегом миновала арку, нырнула в свой родной теплый подъезд и скомандовала себе: забыть! Прежде всего, забыть о болтливом больном, без имени и возраста. Потом о любимице отделения, кошке Дуся. Вечером она пропала, не пришла ужинать и на зов не откликнулась. Забыть о детях, живущих там, где жить нельзя, об их матери, наркоманке, проститутке, которой всего лишь восемнадцать лет.

— Вы, Ольга Юрьевна, слишком чувствительны для вашей профессии. Вот у вас тут в кабинете кошечка живет. Я слышал, ее зовут Дуся. Беленькая, ласковая. Случится с ней что-нибудь, вы плакать будете. О, я отлично представляю себе, как вы плачете. По-детски, безутешно, трогательно. Мужчины обычно не выносят женских слез, а я люблю. Меня это здорово возбуждает.

Оказавшись дома, Ольга Юрьевна с облегчением обнаружила, что ее семья уже спит. Муж — на кухонном диване, перед включенным телевизором. Дети в своей комнате, разделенной книжными полками на две половины. Андрюша вырубился, сидя на полу, между столом и кроватью, в домашних рваных джинсах, в наушниках, из которых слышна нервическая пульсация рэпа. Только Катя потрудилась надеть пижаму и лечь в постель.

Ольга Юрьевна не стала никого будить, выключила телевизор и стереосистему, сняла куртку, сапоги, взяла телефон, босиком, на цыпочках, прошла в ванную, закрыла дверь и позвонила в отделение.

— Дуся нашлась?

— Нет. Шляется где-то, — сквозь долгий зевок ответила дежурная сестра Галя, — весна на дворе, вот она и загуляла. Кошка, понятное дело. Я ж говорю, надо ее кастрировать.

— А как этот новенький?

— Нормально. Спит.

— Проверь.

— Я говорю, тихо все, Ольга Юрьевна.

— Пожалуйста, загляни в палату. Я подожду у телефона.

— Да что проверить-то? Не сбежал ли?

«Правда, что за глупости? — одернула себя Ольга Юрьевна. — Куда он денется?»

Галя все-таки отправилась в палату. Ольга Юрьевна услышала, как стукнула о стол телефонная трубка, как зашаркали по истертому линолеуму тапки. В трубке звучали легкие щелчки, треск, похожий на хрипкое бормотание. На миг доктору Филипповой стало не по себе наедине с живой тишиной в трубке. Она сидела на краю ванны. Из крана медленно капала вода. Узкое темное окно отражало все в размытых бело-розовых тонах. Скрипела и подрагивала форточка. Ветер, мрак, ледяная ночь — все это осталось там, снаружи. Доктор Филиппова была дома, в тепле и покое. Рядом спали муж и дети.

Она прикрыла глаза, чтобы не видеть в зеркале свое лицо. При ярком свете оно казалось серым, старым. В радужной мути под веками тут же проступило лицо неизвестного. Мужчина, от тридцати пяти до сорока лет. Рост 180 см, вес 73 кг, голова обрита наголо. Глаза маленькие, карие, лицо круглое. Нос прямой, приплюснутый. Рот большой. Губы пухлые, ярко-красные, блестящие, словно накрашенные. Кожа белая, слишком тонкая и нежная для мужчины. Под подбородком розовая сыпь, раздражение от бритья. Никаких особых примет, которые помогли бы установить личность.

— Читайте, что перед вами труп. Личность без документов, без имени, без памяти, все равно что труп, верно? Вам придется заняться реанимацией, Ольга Юрьевна. Не совсем ваш профиль, но что же делать?

Прошла вечность, прежде чем дежурная сестра вернулась к телефону.

— Я ж говорю, спит он, Карусельщик хренов. И вам спокойной ночи.

...Вчера утром сторож в Парке культуры обнаружил в кабинке колеса обозрения человека. Кабинка зависла в самой верхней точке. Электричество выключили. Человека забыли. Он просидел там всю ночь. Утром, когда включили колесо и спустили кабинку с несчастным на землю, он отказался вылезать. На вопросы не отвечал. Вцепился руками в ледяные железные поручни и бессмысленно смотрел перед собой.

Врач «скорой» поставил предварительный диагноз: психогенный ступор. Плюс, конечно, переохлаждение. Одет он был слишком легко для апрельских заморозков. Футболка, фланелевая рубашка, джинсовая куртка на тонкой подкладке. В карманах не нашли ничего, кроме двухсот рублей с мелочью, полупустой пачки сигарет «Мальборо-лайт» и дешевой одноразовой зажигалки. В отделении ему сразу дали прозвище Карусельщик, надо ведь как-то называть человека.

Заговорил он сегодня вечером, в кабинете доктора Филипповой. Это произошло спокойно и естественно. Знакомая с новым больным, Ольга Юрьевна представилась и услыхала в ответ: «Здравствуйте. Очень приятно».

* * *

Борис Александрович Родецкий открыл глаза и увидел, как шевелится черный кустарник, подсвеченный огнями редких машин. Косая тень ограды штриховала аллею, исчезала, опять возникала, вместе с ревом мотора и сполохами фар. В сквере было пусто и холодно. Он сидел на ледяной скамейке и так продрог, что стучали зубы. У него не было сил подняться, дойти до дома. Он боялся, что упадет по дороге. Лучше сидеть на скамейке, чем лежать на ледяном асфальте, ночью, в центре Москвы. Примут за пьяного или наркомана, никто не поможет подняться.

— Боренька, вставай, иди домой, ты простудишься!

Голос жены прошелестел чуть слышно и исчез, слился с порывом ледяного ветра. Ветер гнал по аллее прозрачный кусок целлофана.

Рядом играла музыка, звук то нарастал, то стихал, будто кто-то крутил регулятор громкости. За сквером, через дорогу, переливалось разноцветными огнями казино. Борис Александрович не видел, но знал, что там, на фасаде, жонглирует колодой карт клоун в колпаке. Нос у клоуна — большая красная лампочка, зубы — маленькие белые лампочки. Глаза — зеленые лампочки.

Казино открыли три года назад, в доме, где раньше был комбинат бытового обслуживания. На первом этаже прачечная и химчистка, на втором — ателье, художественная штопка и художественная фотография.

Однажды вечером клоун-картежник вспыхнул на отремонтированном фасаде. Борис Александрович возвращался из клиники, где умирала его жена. Он остановил машину у светофора на перекрестке, как раз напротив здания бывшего комбината, еще темного, но уже готового в ближайшие дни принять первых игроков. Клоун возник из темноты и повис в воздухе, под полукруглой светящейся надписью «Казино». Он перекидывал карты, подмигивал и смеялся.

В тот вечер Борис Александрович впервые осознал, что чуда не будет. Надя уходит. Даже мысленно не мог он произнести «умирает». В нем, пожилом разумном человеке, набухала детская обида, словно жена нарочно все это устроила. Уходит первая, оставляет его одного. Как он без нее? Никак! Он сидел за рулем своего «жигуленка» и плакал. Электрический клоун смотрел на него и смеялся.

Прошло три года. Как-то он все-таки жил, один, без Нади, и, в общем, привык. Знал, что скоро они встретятся. Смерти Борис Александрович больше не боялся. Умереть для него значило всего лишь уйти к Наде.

Но вот, оказывается, есть вещи страшнее смерти. Тоска, стыд. То, с чем нельзя уходить. Душа не сумеет отлететь, ее прижмет к земле тяжкий груз, ее начнет мотать над городским асфальтом, как бешеную мутную поземку.

Электрический клоун опять смеялся над Борисом Александровичем. Повернувшись лицом к ночному проспекту,

он перекидывал карты. Отсюда его не было видно, только разноцветные отблески кроили ночной воздух. Клоун знал, что рядом, в сквере, сидит на лавочке одинокий старый дурак, заслуженный учитель России Родецкий Борис Александрович, сидит, мерзнет, мучается сердечной болью и сгорает от стыда, хотя сам не знает, в чем виноват. Боится идти домой, в свою пустую квартиру. Потеха! Столько лет прожил, столько учеников выучил, а сам ничему так и не научился. Теперь вот по уши в дерьме.

— Ты забыл, что нет ни одного доброго дела, которое осталось бы безнаказанным?

Губам стало щекотно. Борис Александрович говорил с самим собой. Он зажмурился, закрыл лицо руками, подышал на ледяные ладони. Если он просидит здесь еще несколько минут, уже никогда не сумеет подняться. Он умрет. Не уйдет к Наде, а именно умрет. Сдохнет, как несчастный бомж, как брошенная собака.

— Нет, Боренька! — Это опять был голос жены. — Не так, не здесь и не сейчас! Еще не время.

Наверное, Надя видела его и пыталась помочь. Музыка замолчала. Машины куда-то исчезли. Несколько секунд странной тишины, наполненной шорохами, вздохами, шепотом голых веток. Борис Александрович теперь был не один в сквере. Кто-то шел по аллее. Мягкие тяжелые шаги приближались. Старого учителя колотила дрожь, страх и озноб, все вместе. Он боялся повернуть голову, посмотреть, кто идет. Он даже глаза закрыл, сам не понимая, чего именно испугался. И вдруг рядом прозвучал голос:

— Вам плохо, молодой человек?

Над ним стояла женщина, его ровесница. Вязаная шапка, куртка, джинсы, большая хозяйственная сумка на плече. Борис Александрович слабо махнул рукой, отгоняя призрак, вовсе не похожий на его Надю. Крупная, широкоплечая женщина, с круглым лицом, с белыми кудряшками из-под шапки. На ногах кроссовки. Надя была невысокая, худая.